

ЗАВОДСК

РИНА КОГТЕВА

18+

Рина Когтева

Заводск

<https://litres.ru/74670968>

SelfPub; 2026

Аннотация

Заводск — маленький промышленный город на краю леса, где Завод заменяет небо, а улицы пустеют к восьми вечера. Из такого города мечтают уехать, но в него возвращаются. Алла Дивова приехала из Москвы, чтобы начать новую жизнь в городе, который когда-то ее проклял. Ирина Мухина семнадцать лет жила дверь в дверь с семьей Дивовых и все это время молчала о том, что знала: невиновного осудили за смерть ее мужа. Инна Сапронова потеряла дочь и отчаянно ищет убийцу, но город считает ее сумасшедшей. Три женщины, связанные темной историей, ложью и кровью, вынуждены столкнуться друг с другом в городе, который выносит приговор раньше суда.

Содержание

Алла Дивова

4

Конец ознакомительного фрагмента.

60

Рина Когтева

Заводск

Алла Дивова

Поезд стоял на станции ровно две минуты. За эти две минуты нужно было выскочить вместе с чемоданом на щербатую платформу и отойти на несколько шагов. Будь еще желающие выйти, возможно, времени бы и не хватило, но желающих не было. Захлопнулись двери вагона, поезд тронулся и, медленно набирая скорость, исчез в ноябрьской темноте. Мелкий дождь делал мутным свет единственного желтого фонаря. Прямо под этим фонарем на платформе стояла Алла Дивова. Сапоги на каблуках, длинное кашемировое пальто, шея замотана дорогим шелковым шарфом. Где-то вдалеке в последний раз стукнули колеса поезда, и наступила тишина. Алла повернула голову и посмотрела на старую ржавую табличку с еле различимыми буквами. «Заводская». Ну здравствуй, станция Заводская... На платформе Алла была одна, ее никто не встречал. Она поправила сумку на плече, взяла чемодан за ручку и пошла к лестнице. Лестница была старой, выщербленной, с железными перилами. Алла стащила по ней чемодан, а потом ступила прямо в грязь. Дороги здесь не было, только тропинка через лес. И ни единого

фонаря. Три километра по ночному лесу в полном одиночестве. Алла, совершенно не колеблясь, пошла вперед. Каблуки дорогих сапог вязли в грязи, чемодан было почти невозможно тащить. А еще было тихо. Так тихо, что хотелось закричать, чтобы эта невыносимая тишина прекратилась. Но на Аллу эта пустая дорога через лес не производила особого впечатления. Она знала, что придется по ней идти. Весной, а тем более летом, это было бы даже приятно: запах леса, пение птиц, полное уединение. Сейчас же просто раздражало, что чемодан постоянно увязал, кажется, даже сломалось одно колесо. И уж, конечно, не было никакого страха. Да и откуда бы? Первые семнадцать лет своей жизни она исправно ходила по этой дороге в любое время дня и ночи, как и все жители города Заводск. И ни с кем никогда ничего не случилось. С чего бы что-то произошло именно сегодня? Где-то в лесу хрустнула ветка. Темно, хоть глаз коли. Алла посветила вокруг фонариком на телефоне - она прошла едва ли половину пути. Алла достала пачку длинных женских сигарет и закурила. Ветки больше не хрустели, только где-то в лесу почти бесшумно опускались на землю последние осенние листья, коричневые и уродливые. Алла докурила сигарету, посмотрела на чемодан и закурила еще одну. Нужно собраться с силами. И, пожалуй, собраться с духом. Заводск... Заводск – и этим все сказано. Хотя нет... Алла выдохнула дым вместе с облачком пара. Можно кое-что добавить. Например, вон за теми деревьями метрах в двадцати есть большой овраг,

в начале прошлого века около Заводска была религиозная община, всех ее членов расстреляли, а тела сбросили в этот самый овраг. Потом, уже в девяностых, останки выкопали и похоронили в братской могиле на местном кладбище. Вот, пожалуй, и все, что можно сказать о Заводске. Алла выкинула сигарету в грязь, по привычке растерев окурок каблуком, хотя в этом не было ни малейшей необходимости. За следующие двадцать минут она окончательно выдохлась, а потом лес внезапно расступился, и стало светло. Город Заводск лежал в низине: дома, пересечения улиц, главная площадь со старым ДК – все это было вычерчено в ноябрьской темноте светом редких фонарей, но отнюдь не эти фонари создавали зарево. Пульсировало и сияло самое сердце города – Завод. Некогда Завод №15 имени ордена Ленина, а теперь просто АО «Заводск». Алла ступила на заасфальтированную дорогу, идти стало значительно легче. Начались окраины города с уютными пятиэтажками, окна которых светились синеватым светом включенных телевизоров, по улицам проехало несколько машин, кто-то даже притормозил около Аллы, вроде бы как предлагая подвезти, но она сделала вид, что не заметила. На улицах не было ни души. Алла свернула во двор, обошла ямы в асфальте, которые знала с детства, ловко срезала путь через палисадник, потому что – вот уж неудивительно – прореху в ограде никто так и не заделал. Ей нужен был второй подъезд. Домофона не было. Да и зачем? Лифта тоже не было, но внутри подъезд был хоть и старым, но

очень опрятным, с цветами на подоконниках. Алла затащила чемодан на третий этаж, остановилась перед старой дверью, обитой коричневым синтепоном, и достала из сумки связку ключей. Перед тем, как открыть дверь, Алла замерла. Стены в доме были тонкими, почти все было слышно, но сейчас она, скорее, даже не слышала, а чувствовала, как в квартире напротив кто-то прильнул к дверному глазку. Да, было ошибкой думать, что ее никто не ждал. Все-таки ждали. Алла вошла в квартиру, тщательно заперла дверь на все замки и только после этого включила свет. Прихожая с настенной вешалкой и зеркало с тумбочкой. Направо – ванная, туалет и маленькая кухня. Сделаешь несколько шагов и упруешься в стенной шкаф, с одной стороны – большая комната, с другой – маленькая с балконом. Пахло пылью. А еще пахло детством. Алла сняла сапоги, прошла на кухню, открыла окно и закурила. Чтобы запах табака перекрыл запах, от которого так противно защемило в груди.

Она проснулась в половине седьмого, как будто ей нужно было на работу. Было не нужно. Пока. Алла спала в большой комнате на наспех разобранном диване-книжке. В маленькой была нормальная кровать, но вся комната заставлена коробками с вещами родителей и с собственными вещами Аллы, которые она периодически привозила в Заводск. Куча бесполезного барахла. Алла лежала с закрытыми глазами, пока не начало рассветать, потом встала и пошла на кух-

ню. Стол с коричневой клеенкой, газовая плита и старенький холодильник. В кухонном шкафу нашлась банка с окаменевшим кофе. Алла поставила чайник на плиту, дождалась, пока он лихо засвистит, и залила куски кофе кипятком. На вкус было похоже на жеваный картон. Алла села на табурет, поджала ноги и посмотрела в окно. Палисадник, каштаны с опавшей листвой, уютные дорожки. Рабочие шли на первую смену к семи, служащие – к восьми, с половины седьмого открывались детские сады и школы, хотя занятия, конечно, начинались позже. В общем, без пятнадцати девять улицы Заводска были так же пусты, как и в первом часу ночи. Алла выкурила сигарету, включила в розетку холодильник, тот протяжно загудел. Конечно, он был совершенно пуст. Алла вернулась в комнату, выудила из открытого чемодана джинсы и свитер, быстро оделась и накинула пальто. Когда она запирала дверь, то снова с непоколебимой уверенностью поняла – из квартиры напротив за ней наблюдают. Алла вышла на улицу, поежилась от утреннего осеннего холода, натянула на глаза шапку и пошла известной много лет дорогой. Пройти до соседнего дома, повернуть налево, там снова наискосок через палисадник, и вот продуктовый магазин. Прежде, чем открыть дверь, Алла несколько раз глубоко вздохнула. Посетителей в магазине не было. Из-за прилавка виднелась только макушка продавщицы, она сидела на стуле и читала журнал. Ни о каком самообслуживании здесь речи, конечно, не шло. Алла подошла к кассе. Продавщица поднялась

и усталилась на нее. Прошла, наверное, минута, прежде чем она с сомнением спросила.

- Алка, ты что ли?

- Здравсьте, тетя Люсь, - процедила Алла.

Тетя Люся, то есть, конечно же, Людмила Николаевна, бессменная продавщица продуктового последние лет двадцать пять, распрямила свои широкие плечи, обвязанные серым пуховым платком.

- Ну и какими судьбами?

Алла растянула губы в вежливой светской улыбке, такой же, как те, что в изобилии украшали страницы журнала тети Люси.

- Мне черный, полкило сыра... Йогурты свежие?

- Свежие! - рывкнула тетя Люся.

- Срок какой?

- Нормальный!

- Тогда пять штук с клубникой.

Алла пробежала глазами по полкам. Было странно озвучивать то, что ей нужно, а не просто брать.

- Сосисок полкило, пачку макарон и...

- Я не конвейер, - тетя Люся стала по очереди выкладывать продукты на прилавок.

Надо сказать, она не торопилась, а когда Алла продолжила свой список, то несколько раз переспрашивала нарочито громким голосом.

- И два пакета, - закончила Алла, осмотрев внушительную

гору продуктов. – Карты принимаете? - она кивнула на терминал.

- Не работает.

Судя по виду, терминал был вполне исправен.

- Хорошо, я заплачу наличными.

Алла вынула из кошелька пятидесятирублевую купюру, тетя Люся отсчитала сдачу.

- До свиданья, - бросила Дивова через плечо.

Тетя Люся ей не ответила.

«Подслушано. Заводск.»

Видела вчера свет в очень неожиданных окнах. Оказалось, в город вернулась А.Д. Судя по тому, как закупились в магазине, приехала не на два дня. Думаю, она и есть тот самый «квалифицированный специалист из Москвы», которого назначат начальником экономического отдела. Видимо, в Москве «специалист» такого уровня не пригодился, к нам вернулась квалификацию свою показывать. Девочки, берегите мужей!

Анонимно, пожалуйста.

- Паспорт.

Алла положила паспорт на стойку бюро пропусков. С Леной Грининой, которая небрежно его взяла, чтобы переписать данные, Алла училась в параллельном классе в единственной школе Заводска. Подругами они никогда не были,

но знали друг друга прекрасно. Как и весь Заводск. Впрочем, Лена упорно изображала, что видит Аллу в первый раз в жизни. Хотя, возможно, дело было просто в стеснительности. Перед Леной была холеная женщина с красиво уложенными длинными пепельными волосами, с безупречным маникюром и в дорогой брендовой одежде. Сама же Гринина явно красила волосы в домашних условиях, была одета в какую-то бесформенную кофту, а при виде ее рук Алла еле сдержалась, чтобы не поморщиться. Хотя с чего бы это? За вещами в Москву еще можно съездить, если наскрести с заводской зарплаты. Возможно, даже хватит на стрижку и окрашивание, но вот маникюр... Интересно, где в Заводске делают маникюр?

На стойку лег разовый пропуск. Алла постаралась как можно приветливее улыбнуться, Лена уткнулась в стол. В последний раз Дивова была на Заводе, когда приходила на работу к матери во время практики в последних классах. Была у них такая практика в школе, ориентированная на то, что все равно все пойдут работать на Завод. В принципе, это было правдой – все возвращались на Завод. Даже Алла Дивова. Со времени ее последнего визита Завод, конечно, изменился. «Вертушку» и будку, в которой забирали и выдавали пропуска, убрали, и их заменил современный турникет. Алла приложила к нему разовый пропуск, стеклянные дверцы открылись. А вот и главная аллея, доска почета и административное трехэтажное здание. Алла помнила его желтым,

теперь оно стало розоватого цвета. Сверившись с сообщением в мессенджере, Алла вошла в первый подъезд, поднялась на второй этаж, нашла нужный кабинет, постучала из вежливости и сразу же открыла дверь в приемную. Девушка за стойкой почти безразлично посмотрела на Аллу.

- Добрый день. Дивова Алла Валентиновна.

- Здравствуйте, - если секретарь и заинтересовалась, то весьма неплохо это скрывала. – Евгений Владимирович, тут подъехала Алла Валентиновна Дивова... Проходите, - она кивнула Алле на дверь.

Раздеться не предложила, но Алла уже сама повесила пальто на вешалку. За двойной дверью оказался большой кабинет, где за очень недешевым столом сидел финансовый директор АО «Заводск» Евгений Лардышев. Лично Алла видела его в первый раз, но у них было несколько разговоров по видеосвязи прежде, чем Лардышев принял решение взять ее на должность начальника экономического отдела. Все эти разговоры, надо сказать, были больше для вида, потому что опыта у Аллы было более чем достаточно, да и Завод, навечно обреченный пользоваться тем, что есть в непосредственной близости, не особо привередничал при наборе специалистов со стороны.

- Очень рад личной встрече, - Лардышев поднялся и протянул Алле руку.

- Спасибо, я тоже.

Она ее пожала. Не без удовольствия, надо сказать. Евге-

ний Лардышев был красивым зеленоглазым брюнетом лет сорока. Дорогие часы, безупречно сидящий костюм. Лардышев не был местным, пару лет назад огромный московский холдинг, в свое время благополучно купивший Завод, прислал его заделывать прорехи. По всей видимости, Лардышев заделывал их весьма успешно, и, как полагала Алла, за ссылку в такую дыру как Заводск ему полагалась очень нескромная зарплата. Поработает пару лет, а потом вернется в Москву на повышение.

- Уже устроились? Или нужно время?

- Да, устроилась, - Алла говорила Лардышеву, что она местная, и у нее есть жилье, это было еще одним плюсом для ее кандидатуры. – Могу приступить завтра.

- Ну что ж, - Евгений откинулся в своем шикарном кожаном кресле, - тогда завтра к восьми в отдел кадров, как оформитесь, сразу ко мне – я представлю вас коллективу. Потом обсудим первоочередные задачи.

- Спасибо, - Алла улыбнулась.

Зря садилась. Она уже подошла к двери, когда Лардышев сказал:

- Алла Валентиновна, не думайте, что я интересовался специально, но я очень соболезную тому, что случилось с вашей семьей.

Надо же, как мило. Налаживаем доверительные отношения с подчиненными?

- Спасибо. Поверьте, мне бы и в голову не пришло, что

вы что-то специально выясняли. Здесь все и так расскажут. Завод есть Завод.

- Да, - Лардышев улыбнулся. – Завод есть Завод. До завтра, Алла Валентиновна.

- До завтра, Евгений Владимирович.

- Может быть, хотите кофе? – запоздало спросила секретарша, когда Алла вернулась в приемную.

Алла кофе очень хотела, но уж точно не здесь.

- Нет, спасибо, - она быстро оделась и кивнула на прощанье.

Выйдя за проходную, она отошла в сторону и закурила. Странные были ощущения.

С самого детства Алла знала, что уедет из Заводска. Вот знала и все! Такое впечатление, что Заводск ее не устраивал с самого рождения. А уж когда в пять лет родители отвезли ее в Москву, она окончательно поняла: никакого Заводска – только красивый яркий город с тысячами огней и тысячами людей. Почему она так рано решила, что уедет из Заводска? Алла не знала. Может быть, свою роль сыграли бесконечные ссоры родителей, может быть, убогая нищета Заводска девятилетних – сейчас уже и не разберешь. Но вся ее последующая жизнь была направлена только на одно: вырваться из жуткого мира, который крутился вокруг монстра под названием Завод, забыть навсегда разбитые улицы, неприветливые полупьяные лица и стать частью ярких огней, манящих бес-

печным богатым счастьем. Достаточно быстро стало понятно, что нужно очень хорошо учиться, чтобы поступить не в областной техникум или даже в институт, а в ВУЗ в Москве. Ну уж, на худой конец, в Питере. Там Алла никогда не была, но ей казалось, что после Москвы это единственный достойный вариант. В школе Алла Дивова была круглой отличницей: зубрила математику и физику, географию и биологию, читала от корки до корки все книги на лето. Она понятия не имела, кем собирается стать и чем будет заниматься, но точно знала – не в Заводске. Школу Алла окончила с золотой медалью и благополучно поступила в институт в Москве на экономический факультет. Институт был не самый престижный, но Алла была и этому несказанно рада. Родители, к тому времени смирившиеся с неизбежностью совместной жизни, ею безумно гордились. Еще бы! Их девочка смогла вырваться из Заводска, она красивая, умная, талантливая, целеустремленная! Она точно добьется в жизни всего, чего захочет! В конце лета Алла переехала в общежитие, и началась студенческая жизнь: бедная, веселая, полная неурядиц и бесконечных приключений. Зимнюю сессию Алла сдала на «отлично», точно так же сдала и летнюю. На несколько недель она приехала в Заводск покрасоваться своим столичным видом и вернулась в Москву, где нашла подработку. Дальше опять была осень, снова сданная на «отлично» сессия. И потом она зачем-то приехала на зимние каникулы домой, хотя совершенно не хотела этого делать. И вот тогда-то и случи-

лась «та самая история»...

- Алла!

Дивова резко повернулась. В первые мгновенья она даже не узнала стоящего перед ней мужчину. Невысокий, в глупой черной шапке и серой форменной куртке с надписью «АО «ЗАВОД». Вроде бы и было в нем-то что-то знакомое: может, выражение лица, может, голос...

- Алл, ты меня не узнаешь? – глаза у мужчины были большими и синими, а взгляд очень располагающим и даже немного наивным.

И тут Дивову осенило.

- Игорь, ты что ли?

- Я, - Игорь Стрельников широко улыбнулся, - я уж думал, ты меня так и не узнаешь.

Почти что и не узнала, подумала Алла. Игорь Стрельников был ее одноклассником, они немного дружили, в школе были в общей компании. Как Алла думала, Стрельников даже был в нее влюблен. Потом, конечно, их пути разошлись, но Игорь остался чуть ли не единственным в городе, кто не отвернулся от нее после «той истории». Он поддерживал ее, они переписывались и созванивались, когда Алла окончательно вернулась в Москву. Но в какой-то момент Алла просто пропала, перестала ему отвечать, хотя он ничем ее не обидел и никогда ни о чем не напоминал. Гораздо позже она поняла, почему оборвала связь: ей нужно было начать все с

чистого листа в огромном городе, где никого не интересовали подробности ее жизни. А Игорь невольно стал навязчивым напоминанием, он не давал ей забыть. Почему-то, когда ей пришлось вернуться, она даже не подумала, что Стрельников работает на Заводе.

- С трудом узнала, - Алла улыбнулась в ответ.

К собственному удивлению улыбка получилась у нее легкой и непринужденной.

- Значит, ты и есть наш новый начальник экономического?

- Все уже знают? – Алла закурила вторую сигарету.

- А как же... - Стрельников усмехнулся. – Ты же знаешь – Завод есть Завод.

- Да уж... Даже господин Лардышев уже в курсе всей моей биографии.

Игорь нахмурился.

- Ну Лардышев у нас местный сердцеед, имей в виду.

Алла этому совершенно не удивилась.

- Считаешь, я вешаюсь на первого встречного?

- Алл, я никогда так не думал. Честно.

И снова «та история», хоть тысяча лет пройдет, но Завод есть Завод.

- Ты как сам-то? – Дивова решила сменить тему.

- Вот, - Игорь кивнул в сторону проходной, - работаю заместителем начальника цеха. Кстати, у меня в подчинении наша цеховая экономистка, так что в ваш отдел захоживаю

иногда с документами.

- Как мама?

Игорь немного погрустнел.

- Совсем сдала, почти не выходит из дома.

Алла вспомнила, что Игорь был поздним ребенком, так что его матери уже, должно быть, за семьдесят.

- Семья?

- Своей не завел, - Игорь развел руками.

Странно, конечно. Одной из особенностей Заводска было то, что здесь хочешь не хочешь, а на ком-нибудь да женишься или выйдешь замуж. Выбор ограничен, так что запросы подстраиваются под то, что есть – люди невольно сходились друг с другом просто, чтобы не быть одинокими. Учитывая извечное «на десять девчонок девять ребят», очень странно, что Игорь так и остался без внимания заводских невест. Хотя многое, конечно, могло измениться за те годы, которые они не общались.

- Не беда, - улыбнулась Алла, - бывает.

Что-то теплое и нежное мелькнуло в его глазах. Неужели до сих пор ее любит? – подумала Алла. Да нет, не может этого быть.

- Хочешь, до дома подвезу? – предложил Стрельников.

- А как же работа?

- Не убежит. Если ты о проходной, то у меня свободный выход, - Игорь лукаво ей подмигнул.

- Большой начальник?

- Ты побольше будешь.

Снова начинался противный осенний дождь, нужно было идти до остановки, бог знает сколько ждать автобус, который в середине рабочего дня не очень-то и часто ходил.

- Подвези, - согласилась Алла.

Машина Стрельникова стояла на огромной заводской стоянке. Алла ожидала увидеть какую-нибудь развалюху, но вместо этого Игорь открыл перед ней дверь новенькой немецкой иномарки. Алла даже хмыкнула.

- Не ожидала, да? – не без гордости спросил Игорь.

- Не ожидала, что такого завидного жениха не приберут к рукам в Заводске. Признавайся, пьешь? – конечно, она спрашивала это несерьезно.

А может быть, и серьезно.

- По праздникам.

Непьющий мужчина с хорошей зарплатой – это для Заводска практически Бред Питт.

- Ты извращенец?

- Не настолько.

- Играешь в приставку с утра до вечера?

- Нет, - Стрельников улыбнулся, - у меня нет приставки.

- Раскидываешь носки? Требуешь каждый день ужин из пяти новых блюд?

- Живу с мамой, а у нее сил нет за мной убирать. Так что снова мимо – полностью самостоятельный.

Больная мать – это, конечно, не подарок, но, как поняла

Алла, там не было речи об уходе за лежачей.

- А что тогда-то?

Они как раз остановились на светофоре. Одним из пяти светофоров Заводска.

- Не люблю никого, - Стрельников посмотрел на нее.

Шапку он снял, и светлые волосы смешно падали на лоб. Чудаковатый и всегда понимающий Игорь. Через пять минут они подъехали к ее дому.

- Запиши мой номер, будет нужна помощь по хозяйству – звони.

Алла послушно записала, набрала, чтобы у него остался ее.

- Спасибо тебе, Игорь.

- Не за что, Алла Валентиновна, - Стрельников ей подмигнул.

У подъезда Алла закурила. Она смотрела, как он уехал. Паря в собственном городе, у которой в Москве ничего не вышло, возвращается, и вот он, принц на темно-синей иномарке, который любил ее все эти годы. Так что ли? Сказка какая-то. Дивова нервно затушила сигарету и поднялась к себе. Из-за двери напротив за ней снова следили, в этом она не сомневалась. Почему-то возникло непреодолимое желание начать со всей силы колотить в эту дверь, а еще лучше прокричать в ненавистный глазок все, что она думает. Вместо этого Алла спокойно вошла в свою квартиру.

Следующая неделя прошла в непрерывном потоке дел. С восьми утра Алла была на работе. Лардышев, как она и предполагала, оказался из тех руководителей, которые ставят задачи и не особенно интересуются тем, как ты их исполнишь, лишь бы был результат. Аллу это полностью устраивало, и она с непреодолимой энергией бросилась разгребать авгиевы конюшни, в которые превратился отдел за время отсутствия полноценного руководителя. Коллектив распустился, Аллу они приняли в штыки, особенно ее заместитель Шилова. С ней как раз и было больше всего проблем. Около года Шилова исполняла обязанности начальника отдела, была уверена, что именно ее назначат на эту должность, и появление Дивовой восприняла как личное оскорбление. Разговаривала она сквозь зубы, информацией практически не делилась. Впрочем, у Шиловой оказалось не так много соратников, как она думала, и уже к пятнице у Аллы было несколько фаворитов из числа подчиненных, которые мечтали заслужить благосклонность новой начальницы. На работе она засиживалась допоздна, приползала домой, иногда даже не ужинала, потому что не было сил идти три остановки до единственного в Заводске круглосуточного магазина.

Наступили выходные, и их Алла посвятила тому, чтобы навести в своей квартире хоть какой-то порядок. В итоге она решила перенести все вещи в большую комнату и закрыть ее, а жить в маленькой, потому что именно там стояла массивная кровать, спать на которой было гораздо удобнее, чем

на диване-книжке. Алла мыла, терла, скупилла половину хозяйственного, и вот, наконец, к вечеру воскресенья ее жилье приобрело некое подобие уюта.

Алла налила себе чашку чая и выключила свет на кухне. Окна. Яркие окна, за которыми скрывается чья-то жизнь. Было время, когда Алла думала, что это тихое семейное счастье, от которого она сознательно отказалась, чтобы стереть свое прошлое. Но вот она снова в Заводске. А здесь уж точно за разноцветными шторами не скрывается почти ничего счастливого. Брякнул телефон. Сообщение от Игоря. Он писал ей несколько раз, предлагал помощь, но Алла вежливо отказывалась. Сейчас это было обыкновенное «Как дела?». Алла что-то вежливо ответила и написала, что ложится спать. Конечно, спать она не стала. Все смотрела и смотрела на окна.

Ночью выпал снег, первый неуверенный ноябрьский снег, который обязательно растает уже к вечеру. Алла встала почти впритык, быстро оделась, вместо завтрака выкурила неизменную сигарету, от которой тут же скрутило пустой желудок. Пришлось закусить сигарету горстью таблеток от гастрита. Есть было некогда, зато нужно было накраситься и наскоро привести волосы в порядок. Стрижка пока была свежей, и больших усилий не требовалось, но Дивова уже понимала, что через месяц это станет проблемой. Как маникюр и одежда. Много что очень скоро станет для нее, привыкшей

к московскому разнообразию, очень большой проблемой. А через год ее будет не отличить от Ленки Грининой из бюро пропусков. К черту эти мысли! Нужно прийти за пятнадцать минут до начала рабочего дня, улыбнуться коллективу, а потом с профессиональной безмятежностью отправить отчет Лардышеву. Евгений Владимирович Лардышев... Да, Игорь был прав, даже по московским меркам он очень и очень котировался, а уж по меркам Заводска, так вообще король. Дивова посмотрела на часы, поняла, что до автобуса – вот ведь незадача, приходится ездить на автобусе – осталось все-то пять минут. Она сбежала по лестнице, ни секунды не сомневаясь, что за ней следит ее неизменный наблюдатель, распахнула дверь подъезда и замерла. Первым, что она увидела, был яркий алый цвет. Такой какой-то очень неестественный алый, почти пугающий. Очень много алого цвета, который был совершенно неуместен в ноябре. Потом Алла увидела то, что было в центре этого алого цвета. Почти такое же белое как снег, но не снег. Тело. Человеческое тело. Полуобнаженное. Женщина. Темные волосы на алом снегу, какое-то странное разрезанное платье, а под разорванной тканью снова что-то ярко-алое. Снежинки медленно опускались на землю. Как будто бы все это происходило во сне. А может, это сон? Может, она еще спит? А потом на Аллу обрушилась реальность. Кроме нее и тела вокруг была куча людей: полицейские, просто зеваки, кто-то разговаривал по телефону, кто-то разговаривал друг с другом...

- Обходите здесь, - перед Аллой возник мужчина в форме и указал налево.

- Да, конечно, - пробубнила она и очень быстро прошла вдоль дома в сторону остановки.

В автобус она заскочила в последний момент. Ну и, конечно, если и есть какое-то место в Заводске, где можно узнать все сплетни, не прилагая никаких усилий, то это - общественный транспорт. Все еще ошалевшая от увиденного Алла вслушивалась в обрывки разговоров. А все разговоры, конечно, были только об этом.

- ...Дочка Прокофьевой из лаборатории... Да ты видела ее сто раз...

- ...Рано утром нашли, когда смена пошла...

- ... У меня сын дружит с Васей, так он ему сказал, что там грудь отрезана. Представляешь?...

Грудь отрезана... Так вот откуда кровавое месиво вместо платья...

- Опять?! Какой кошмар! Да кто вообще может такое с девочками делать? Сколько ей было?

- То ли восемнадцать, то ли девятнадцать, в техникуме училась.

Голоса гудели вокруг, в какой-то момент отдельные диалоги слились в один единственный. Девушку звали Анна Прокофьева, ей было восемнадцать, она училась в заводском техникуме, проходила практику на Заводе. Девушка была, что называется, «положительная»: не пила, не курила, вече-

ром пошла на маникюр, домой не вернулась, родители обыскали весь город, но так ее и не нашли. От маникюруши она ушла в начале одиннадцатого, идти до дома ей было минут пятнадцать, но она как будто испарилась. А утром, когда в начале седьмого стали выходить рабочие, они увидели труп прямо на дорожке у подъезда, вызвали полицию, поднялся большой шум. Та женщина, у которой сын дружил с полицейским Васей, сказала, что на Анне было странное старое платье, а выходила девушка, конечно, в нормальной современной одежде. А самое главное, убийство очень похоже на тот случай, который произошел год назад. Тогда тоже убили молодую девушку, ее тоже переодели, тело тоже было изуродовано и, кажется, тоже была отрезана грудь. Автобус был в ужасе, обмен информацией перешел в коллективные причитания по поводу того, что спокойная жизнь в Заводске закончилась, и объявился маньяк. Конечно же, маньяк был из Москвы, и поймать его местная полиция никогда не сможет. Дальше разговоры перешли уже в совершенно неприличные рассуждения о том, была ли Анна изнасилована. Кто-то сразу же вспомнил подозрительную машину с московскими номерами, еще кто-то высказал мнение, что не такой уж эта девушка была и порядочной. А Алла Дивова думала только об одном. Эту несчастную девушку убили и изуродовали. Вряд ли это происходило прямо под окнами многоквартирного дома, слишком рискованно, так что ее туда привезли. Когда? Алла старалась вспомнить, слышала ли она что-то странное.

Звук мотора автомобиля? Возможно, для жителя Заводска он и показался бы необычным посреди ночи, но не для нее, привыкшей к шуму большого города. Она не обратила бы на это внимания. Нет, ничего подозрительного она не слышала. Автобус подъехал к Заводу, и толпа вывалила наружу. Алла как во сне дошла до своего кабинета, дрожащими руками налила кофе, закрыла глаза и приказала себе собраться. Очень жаль эту Аню Прокофьеву, но ничего не поделаешь. Алла ее не знала, не знала ее семью, хотя фамилию слышала. Это ее не касается. Это не ее дело.

Отчет Дивова сдала, потом погрузилась в решение остальных бесконечных задач, пообедала поздно, когда голодный желудок уже скрутило так, что не было сил. Вообще, где-то после четырех она поняла, что соображать больше не в состоянии, так что, кажется, придется уйти вовремя. Но ехать в заводском автобусе она не хотела, поэтому, немного поколебавшись, написала Игорю.

«Подвезешь меня до дома?»

«Конечно!» - почти сразу же ответил тот.

Надо купить машину, подумала Алла, вот как угодно, хоть какую, но купить надо, иначе так и придется озиаться на темных улицах.

Стрельников ждал ее у проходной, они пошли на стоянку.

- Ты как? – спросил он, заводя машину.

- Да вроде ничего, - ответила Алла.

Хотя ничего хорошего. Перед глазами стояла жуткая кар-

тина мертвого тела, алый цвет на снегу.

- Ну весь Завод на ушах, конечно.
- Не сомневаюсь, - фыркнула Алла.
- Тебе страшно? – спросил Стрельников.

Алла посмотрела на горящие в ноябрьском полумраке окна домов.

- Да, - честно ответила она.
- Я буду тебя возить на работу и обратно, - сказал Игорь.
- Тебе же к семи, а мне к восьми - Алла удивленно посмотрела на него.

- Ну давай сойдемся на том, что ты будешь выходить в семь. Я немного опоздаю, а ты придешь пораньше. Устроит?

И снова эта его открытая мальчишеская улыбка, такая родная и знакомая, улыбка из детства.

- Конечно, - Алла улыбнулась в ответ.
- Алл, кстати, тут такое дело, ты только не пугайся особо,
- Игорь помрачнел.

- Что?

- В общем, по Заводу ходят слухи, что эта девушка была любовницей Лардышева.

Алла холодно посмотрел на Игоря.

- И что?

Завод есть Завод. Даже если они действительно спали, то и что с того? Прокофьева была совершеннолетней, вероятно, очень симпатичной. Сорокалетний мужчина и студентка.

- Игорь, ты на что намекаешь? – резко спросила она.

- Алл, ну извини, я ничего такого не имел в виду!

Они уже подъехали к ее дому, Алла хлопнула дверью автомобиля. Как же, не имел он ничего в виду. Да тут никто вокруг ничего не имеет в виду. Сплошной проклятый гадюшник. Дивова нервно закурила, прямо с сигаретой в зубах вошла подъезд и поднялась на свой третий этаж. Из-за двери напротив за ней снова наблюдали, и Алла не выдержала.

- Да сдохни ты уже! – она затушила окурок прямо о дверной глазок.

В своей квартире она села на пол в прихожей и закрыла лицо руками.

«Подслушано. Заводск.»

А никого не смущает, что всего неделю назад в наш город вернулась А.Д., и вот так вот вдруг прямо у ее подъезда убили Анечку? А никого не смущает, что Анечка была любовницей вы сами знаете кого? А никого не смущает, что по слухам (проверенным) этот сами знаете кто оставил свою жену и детей в Москве? Может, у А.Д. просто поехала крыша? Зачем она вернулась? Чего ей надо? Неделю мы на нее смотрим, а она ведет себя очень и очень странно. Сами знаете кто ее начальник. А еще кое-кто ее подвозит домой. Не слишком ли резвая наша А.Д. для той, кто вернулся в Заводск после такой грязной истории? Что думаете, девочки?

Анонимно, пожалуйста.

Комментарии к посту:

- Вообще-то, подозрительно... *задумчивый смайлик*

- А кто ее подвозит?

- И.С. из 43. Я сама видела.

- А что у А.Д. что-то с Лардышевым? ДА ЛАДНО????

- Девочки, договорились же без фамилий.

- А.Д. бесстыжая. Я бы на ее месте в Заводск и нос не показывала.

- А можно для тех, кто не в курсе, а что эта А.Д. такое сделала, что ее все обсуждают?

День для таких событий в Заводске – это бесконечно мало. По опыту Алла знала, что эхо любых историй здесь гремит годами. До конца недели все ходили как пришибленные, и даже интриганка Шилова пребывала в странном спокойствии. Внешне могло показаться, что Заводск погрузился в блаженную тишину и стал похож на какой-нибудь провинциальный американский городок, который показывают в гламурных сериалах. Но нет. Алла Дивова как никто другой знала, что к умиротворению эта тишина имеет самое последнее отношение. Завод искал жертву, молчание было судом присяжных, который вот-вот должен был вынести свой приговор. Не нужно было далеко ходить, чтобы понять, что выбирают между двумя кандидатурами: Евгением Лардышевым и самой Аллой. Выбор был непростой: связать Аллу со смертью Анны Прокофьевой было ну очень сложно, но на Заводе ее терпеть не могли. С Лардышевым же была совсем другая

история. По всем признакам обвинить стоило именно его: Аня была его любовницей, он неместный, да и вообще про его прошлое толком никто ничего не знал. Но он был мужчиной и мужчиной привлекательным, а это автоматически давало ему сто очков вперед перед Аллой. В общем, перед судом присяжных на этот раз стояла очень непростая задача. Самое интересное, что Лардышев, кажется, этого не понимал. Он всем своим видом показывал, что не имеет к Анне Прокофьевой никакого отношения, и вел себя как ни в чем ни бывало. Это была очень плохая тактика. Нет, Алла прекрасно понимала Лардышева, он вел себя ровно так, как это было бы принято в Москве. Только в Заводске это не работало. В Заводске такое поведение означало: «у меня рыло в пуху». Через некоторое время, когда Лардышев смотрел на Аллу во время совещаний, в его глазах появилась тихая мольба. «Объясни, что здесь происходит. Почему они все так себя ведут? Ты же такая же, как я, ты же тоже здесь чужая». Но Дивова отвечала ему холодным взглядом. К тому времени она уже поняла, в какую именно сторону склоняется общественное мнение. И это была не сторона Лардышева. С Аллой снова начали здороваться, пусть и сквозь зубы, но это уже было своеобразной амнистией. А вот от Лардышева шарахались, чуть ли не на другую сторону улицы переходили, когда его видели. На самом деле, Алле было даже его жаль. Она ни секунды не верила, что Лардышев может быть связан со смертью Анны Прокофьевой. Но Лардышев ошибал-

ся, когда думал, что они в одинаковом положении в Заводске. Разница между ними была колоссальной. Лардышев мог вернуться в Москву и забыть о Заводске, а Алле некуда было возвращаться, поэтому она продолжала улыбаться Лардышеву безжизненной улыбкой и кивать заводчанам, которые достаивали ее хоть каким-то взглядом. Простите, Евгений Владимирович, но тут уж вы сами.

Наступила долгожданная пятница. Аллу как всегда с работы забирал Игорь. Он ждал ее у проходной, как и всю прошлую неделю. К собственному удивлению она совершенно искренне ему улыбнулась и начала рассказывать какие-то глупости про то, как прошел ее день. Стрельников улыбался в ответ. Уже когда они сели в его машину и выехали с заводской стоянки, он как будто бы невзначай спросил:

- Поужинаем?

- Ага, - так же буднично согласилась Алла и продолжила жаловаться на начальника сорок восьмого цеха, который упорно отказывался подавать экономистам отчет по установленной форме.

В Заводске было всего три ресторана: французский – для элиты, грузинский – для среднего класса и некое подобие суши – для совсем уж рядовых заводчан. Конечно же, Игорь повел ее во французский. У Аллы даже возникло ощущение, что он заранее забронировал там столик. Ну и ладно, подумала она, как будто бы непонятно, что Стрельников подбивает к ней клинья. Ей просто хотелось расслабиться. Уди-

вительно, но зал ресторана «Прованс» был почти полон, и большинство лиц было Алле знакомо. Ага, подумала она, кажется, ужин в этом ресторане – это что-то вроде публичного заявления о своих отношениях. В текущей ситуации это было не так уж и плохо. Игорь, казалось, не замечал никого вокруг. Они сделали заказ, Алла сама удивилась, что продолжает что-то рассказывать. Все шло очень легко и безмятежно, именно так, как все должно происходить между старыми друзьями, которые чувствуют, что между ними вот-вот возникнет нечто большее, как вдруг в «Прованс» вошел Евгений Лардышев. Разговоры смолкли, головы повернулись в его сторону. Алла на мгновение уловила, как лицо Стрельникова неестественно исказилось. Перемена показалась Алле пугающей, но она тут же отогнала от себя эти мысли. Это же Игорь, они же знают друг друга тысячу лет. Официант проводил Лардышева за свободный столик. Как поняла Алла, он собирался ужинать в одиночестве.

- Ну и что думаешь? – спросил Игорь.

Это был первый раз, когда он затронул тему причастности Лардышева к убийству Анны Прокофьевой после того первого намека в день самого происшествия.

- Да ничего он не делал, - фыркнула Алла.

Два бокала вина еще больше развязали ей язык. Может быть, она даже сказала это слишком громко, потому что краем глаза заметила, как несколько человек за соседними столиками повернулись в ее сторону. Ну и ладно.

- Типичная привычка Заводска – кто чужой, тот и виноват. Даже если он с ней спал, то почему он обязательно должен ее убивать?

- А разве ты не знаешь? – Игорь задумчиво крутил в руках бокал с вином.

Только тут Алла поняла, что он тоже пьет, при этом он за рулем. Дивова быстро прикинула: до ее дома пешком минут десять, до дома Игоря – минут двадцать. Такси в Заводске – это до сих пор нечто невиданное и баснословно дорогое, а десятиминутная прогулка выглядит вполне невинной и вроде бы не предполагает ничего навязчивого.

- О чем я не знаю? – Алла игриво улыбнулась, хотя настроение уже не было игривым.

- Прокофьева была не первой убитой.

- Я знала, то это не первая убитая девушка, - попробуй не узнай такую новость в Заводске, захочешь – не пропустишь, - но я не понимаю, как это связано с Лардышевым.

- Юлия Сапронова, девятнадцать лет, после колледжа пришла на практику в экономический отдел, а потом очень быстро оказалась вон за тем столиком, - Игорь кивнул в сторону Лардышева.

- Ее тоже убили? – спросила Алла.

- Да, - ответил Игорь, - как раз когда у них с Лардышевым был роман, так же, как и с Аней Прокофьевой.

- Ерунда, - фыркнула Дивова. – С чего бы ему так подставляться?

- Это же Заводск, - Игорь криво улыбнулся, - мы же тупые деревенщины, что мы можем понять?

- Где нашли Сапронову? - Алла сделала еще один глоток вина, она заметила, что в лучших традициях жанра официант почти незаметно наполняет ее бокал.

- В парке, - ответил Игорь.

- Слушай, а тебе не кажется странным, что какой-то псих, который калечит и убивает женщин, чуть ли не через день после моего приезда бросает труп около моего подъезда?

- Совпадение, - Стрельников пожал плечами.

Алла пожала плечами в ответ. Она вдруг вспомнила, почему роман между ней и Игорем так и не состоялся. Просто Стрельников был туповат, а тупых мужчин Алла Дивова не переносила органически.

- Да, конечно, - она криво улыбнулась. - Гораздо проще оставить труп в парке, чем тащить его на главную улицу города и почему-то прямо к моему подъезду.

- Возможно, ты себя переоцениваешь, - небрежно ответил Стрельников, - дело не всегда в тебе.

Ого, какие мы стали!

- Извини, мне пора, - Алла нарочито громко отодвинула стул.

Счет сам оплатит, раз такой умный. Она забрала в гардеробе пальто и вышла на улицу. Ты только посмотри, как Игорек вырос. Огрызаться даже начал. Дивова криво улыбнулась. Тоже мне, провинциальный сердцеед. Тупой придурок.

Алла шла к дому и толком не могла понять, что именно ее так разозлило. Ну ляпнул Игорь какую-то ерунду, очень логично, что он хочет настроить ее против Лардышева. Могла бы просто поставить его на место какой-нибудь фразой, а не убегать из ресторана как девочка-студентка. В конце концов, Игорь – ее единственный друг в этом проклятом городе. А в этом-то как раз и дело! От удивления Алла даже остановилась, затушила наполовину выкуренную сигарету и закурила следующую. Стрельников прекрасно отдает себе отчет в том, как она от него зависит, и очень похоже, что эта едкая фразочка – это пробный шар. Как онаотреагирует? Проглотит или будет сопротивляться? Алла таких встречала, пауки, заманивающие жертву в свои сети, специально делая ее беспомощной. Дивова тряхнула головой. Не хотелось верить, что Игорь из таких. Просто растерялся, расстроился, когда увидел Лардышева, конечно, приревновал Аллу, возможно, даже собирался ей в любви признаться сегодня вечером... Только взял бы, да и признался, а не упражнялся в остроумии.

Показался подъезд Аллы, тот самый, у которого нашли мертвую Аню Прокофьеву. Да пропади они все пропадом: Стрельников, Лардышев, псих, который убивает молодых девчонок, и весь это проклятуший Заводск. У Аллы сейчас было только одно желание – подняться в свою квартиру, задернуть шторы и включить какую-нибудь ерунду в интернете, под которую она благополучно уснет.

- Извините, вы - Алла Валентиновна? – тихий женский голос остановил Дивову, когда она открыла дверь подъезда.

Ну что еще? Первым желанием было вообще не реагировать на эту женщину, просто подняться домой и забыть о ней ровно через секунду. Но здравый смысл подсказывал Алле, что это будет неправильным решением. Сейчас вокруг нее слишком много странностей, и если она хочет хоть как-то систематизировать происходящее, то, пожалуй, не стоит пренебрегать такими встречами.

- Да, это я, - ответила Дивова.

- Меня зовут Инна Сапронова, я мать Юли, той девушки, которую убили первой.

Ну да, буквально полчаса назад они обсуждали это со Стрельниковым. А причем здесь Алла?

- Что вы хотели? – осторожно спросила Дивова.

Женщина вышла на свет. На вид ей можно было дать все шестьдесят, но Алла не удивилась бы, если бы на самом деле ей оказалось лет сорок пять: очень худая, с кругами под глазами и желтоватой кожей. Одета опрятно и чисто, но как-то странно, как будто ее совершенно не волнует, как именно вещи сочетаются друг с другом и сочетаются ли вообще. Алла узнала это состояние: этой женщине было уже давным-давно на себя наплевать, она старалась соблюдать правила приличия, как-то одевалась, ходила на работу, но в голове у нее была только одна мысль. Кто убил ее дочь?

- Я бы хотела обсудить с вами кое-что...

Ну понятно... Нет, Алла не осуждала эту женщину, она ей даже сочувствовала, но полоумные заводские слухи нужно пресекать четко и сразу.

- Я не имею отношения к тому, что происходит, - твердо сказала Дивова, - я никак не могу объяснить, почему убитую Прокофьеву нашли около подъезда, где я живу. В конце концов, здесь живу не только я. Я очень вам сочувствую, но помочь ничем не могу.

Алла снова протянула руку к двери. И тут Инна Сапронова неожиданно хмыкнула.

- Да я и не собралась вас ни в чем обвинять! С какой стати? Просто выслушайте меня. Здесь меня никто не слушает, все принимают за сумасшедшую, но вы-то знаете, чего стоит местное общественное мнение. Выслушайте меня и скажите, есть ли вообще смысл в моих рассуждениях, или я и правда схожу с ума, как все говорят...

Такого Алла уж точно не ожидала. Она посмотрела на Сапронову. Да с какой стати она вообще должна ее слушать? Да, надо было так сказать. Но Алла не сказала. Она знала, что это такое, когда не с кем поговорить.

- Проходите, - она распахнула перед Инной дверь.

Они молча поднялись на третий этаж, где Алла уже привычно почувствовала взгляд из квартиры напротив. Инна Сапронова же посмотрела на эту дверь совершенно без стеснения. Конечно, она знает. Все знают. Но, похоже, Сапронова из тех, кто воспринимает эту историю несколько по-сво-

ему, что для Заводска достаточно необычно. Алла разулась, предложила Сапроновой тапочки, а сама пошла на кухню.

- Чай, кофе?

- А покрепче что-нибудь есть?

Дивова выглянула из кухни и усмехнулась.

- Есть коньяк, могу добавить в чай.

Сапронова кивнула. На крошечной кухоньке они сели за стол друг напротив друга, перед каждой по чашке с черным чаем, от души разбавленным коньяком.

- Ну говорите, - Алла скрестила руки на груди.

- Можете, конечно, меня выставить после того, что я расскажу, но мне просто нужно, чтобы это выслушал кто-то, кто имеет свое мнение.

Алла пожала плечами. Она заметила, что руки Сапроновой дрожат. Она сделала неуверенный глоток из чашки. Пьет? Непохоже, просто волнуется.

- Вы, наверное, уже знаете, что мою дочь убили в прошлом году почти в это же время. Тело нашли в парке. На ней было старинное платье то ли из театра, то ли из музея. А еще у нее были отрезаны обе груди. У нее был любовник. Это ваш начальник, Евгений Лардышев...

Лицо Аллы скривилось. Ну и что дальше, что он ее начальник? Сапронова как будто бы это почувствовала.

- Да мне плевать, с кем она там встречалась. Следствие однозначно доказало, что Лардышев не виновен. В тот вечер он ругался с бывшей женой по телефону, там звонки, сооб-

щения, а учитывая, что они до сих пор судятся, она бы не стала его прикрывать.

- А Прокофьева все-таки была его любовницей? – иронично спросила Алла.

- Понятия не имею, - Инна покачала головой. – Меня не волнует Лардышев, меня больше беспокоит то, что на свободе остается настоящий убийца.

Разумно.

- И кто же это?

- У меня есть теория, - Инна сложила руки на столе. – Именно поэтому я и хочу, чтобы вы меня выслушали и сказали, насколько это может быть правдой.

Почему именно я? – подумала Алла. Почему она так настаивает на том, чтобы это была именно я?

- Говорите, - Алла кивнула и сделала большой глоток из чашки.

По телу тут же разлилось тепло от коньяка, стало почти уютно и комфортно. Алла посмотрела в ноябрьскую темноту за окном.

- Вы же знаете, что в начале двадцатого века около станции была община сектантов - церковь и несколько домов?

Алла кивнула. Конечно, она об этом знала, все дети Заводска бегали смотреть на этот овраг, вызывали там духов и рассказывали друг другу страшилки.

- Так вот, это была не просто секта, а секта скопцов. Это сектантское течение возникло в восемнадцатом веке, обряд

посвящения был чудовищным. Женщинам отрезали грудь.

Алла моргнула, перед глазами снова оказалась мертвая Аня Прокофьева, алая кровь на белом снегу.

- Про скопцов я слышала, но не знала, что они отрезали женщинам грудь. Это многое объясняет. Почему же вам никто не верит?

- Вы до конца дослушайте, - Инна уставилась в чашку. – Получается, что в Заводске орудует тот самый сектант-скопеец. Скорее всего, это мужчина, а у мужчин они отрезали... ну сами понимаете.

Понятно. Не грудь же. И тут до Аллы дошло.

- Конечно же, праведная общественность Заводска отрицает самую возможность такого мракобесия в нашем достопочитенном городе, - она хмыкнула.

- Конечно, - почти прошипела Инна. – А ведь для того, чтобы это проверить, надо всего лишь найти мужчину, у которого не все на месте. Сомневаюсь, что в городе таких много. Я ходила в полицию, но они решили, что я не в себе из-за смерти дочери.

Алла долила себе в чашку коньяк, превратив чай с коньяком в коньяк с чаем.

- Если вас интересовало мое мнение, то я не считаю вас сумасшедшей. У девушек отрезана грудь, и они одеты в платья начала века. Если прибавить к этому секту скопцов, все встает на свои места.

Алла ответила на ее вопрос. Чего еще она хочет? Ведь хо-

чет же чего-то. И вдруг Алла поняла, в чем дело. Сердце сжалось в комок и упало в пятки.

- Алла Валентиновна, есть еще кое-что...

Да, так и есть. Дивова молчала, ждала, когда Инна сама скажет.

- Александр Федорович занимался исследованием скопцов...

Алла предостерегающе подняла руку.

- Я не буду разговаривать об этом.

- Эти материалы очень помогли бы мне найти убийцу девочек. Я почти уверена, что этот человек связан с теми старыми сектантами. У Александра Федоровича была очень подробная работа на эту тему, но он не успел ее опубликовать. Черновики остались у...

- Черновики у Ирины Ивановны, - отсутствующим голосом закончила Алла, - и, конечно же, она сказала, что отдаст их только мне лично в руки. То есть это новое условие появилось у нее, когда я приехала в город, а до этого она просто отказывалась их вам отдавать.

Инна Сапронова беспомощно кивнула.

- Алла Валентиновна, вы простите, что я к вам с этим обращаюсь, но вы же разумный человек, вы же понимаете, что если есть хоть какой-то шанс поймать убийцу, то его нужно использовать. Они ведь свалят все на Лардышева или найдут еще какого-нибудь козла отпущения. Это чудовище затаится, пройдет год, два, и он убьет снова. Алла Валентиновна,

я прошу вас...

Дивова молчала. Инна Сапронова встала из-за стола, а потом вдруг рухнула перед Аллой на колени.

- Алла Валентиновна, я вас умоляю!

- Уходите, - наконец, сказала Алла.

Сапронова стояла перед ней на коленях еще минут пять, кажется, даже что-то говорила, но Алла не хотела ее слышать. Наконец, женщина ушла. Как только за ней захлопнулась дверь, Дивова медленно достала из пачки сигарету и закурила.

Нет уж, пусть перебьют хоть половину Заводска, Алла никогда не сделает то, о чем ее попросила Инна. Никогда Алла даже близко не подойдет к этой мерзкой старухе Ирине. А старая тварь сидит и ждет покаяния, предвкушает, как наконец-то выскажет все Алле в глаза, как обольет ее презрением, как поиздевается над ней. Это какое же будет для старухи счастье, если Алле вдруг что-то от нее понадобится, а старуха сможет решать, дать ей это или нет. Дивова тряхнула головой, прошла в прихожую, достала из сумки телефон. Она ожидала, что там будет сообщение от Игоря, и возможно даже не одно. Но сообщений не было. Алла выключила звук на телефоне. Бестолково прослonyaвшись по квартире еще час, она наконец-то легла спать.

В субботу она проснулась ровно в то время, когда ей нужно было вставать на работу. За окном была темнота, шел отвратительный мокрый снег. Алла Дивова поняла, что в вы-

ходные ей совершенно нечего делать. Прочитав все немногочисленные новости, большинство из которых никак и никогда не повлияли бы на жизнь в Заводске, Алла снова попыталась уснуть. Ничего не получилось. Она встала, выпила кофе, выкурила несколько сигарет, попробовала посмотреть какой-нибудь сериал, потом попыталась выбрать книгу для чтения, но так и не смогла ни на чем сосредоточиться. Наконец, Дивова сдалась. Она натянула джинсы, не без удовольствия отметив, что они стали ей велики, влезла в безразмерный свитер и куртку, почти сбежала по лестнице подъезда, даже не обратив внимания на дверь напротив, и вышла на улицу прямо навстречу ноябрьскому то ли снегу, то ли дождю. Аллу это не смутило. Не смутила ее и получасовая дорога по слякоти, когда отвратительный то ли снег, то ли дождь, бил ей в лицо. Наконец, Дивова остановилась у двойных стеклянных дверей, рядом с которыми висела выцветшая табличка «Краеведческий музей». Алла удовлетворенно улыбнулась и толкнула дверь.

В музее она была единственным посетителем, если не за месяц, то за неделю уж точно. Пополнив городской бюджет аж на целых сто пятьдесят рублей – Алла готова была биться об заклад, что такая небывалая выручка будет очень неожиданной – Дивова решительно вошла в Краеведческий музей города Заводска. Музей состоял из трех залов, в первом были карты и чучела животных. Второй зал был посвящен тому, как через деревню Быково, на месте которой потом по-

явился город Заводск, проезжал аж сам великий литературный критик Белинский, у которого по несчастью в Быково сломалось колесо у кареты. В третьем зале была экспозиция по истории Завода. Конечно, ни о какой секте не было ни слова, и Алла прекрасно это знала.

- А почему про скопцов ничего нет? – напала Алла на дремавшую у входа старушку.

Насколько Дивова помнила, дремала эта дама здесь еще с тех пор, как сама Алла ходила в музей в начальной школе. Старушка нервно вздрогнула, посмотрела на Аллу и начала протирать очки.

- Так запретили же выставлять... - пробубнила она.

- Кто и когда? – начальственным голосом спросила Дивова.

- Так при советском союзе еще...

- А потом?

- А потом мэрия.

- А где материалы?

- В архиве, - хлопнула полуслепыми глазами за толстыми стеклами старушка.

В архиве, значит... Осталось придумать, какого лешего Алле Дивовой нужно в архиве, хотя... Двух зайцев одним махом.

Она вышла из музея так же стремительно, как и ворвалась в него. На улице Алла набрала номер Игоря. Она долго слушала длинные гудки. Но, видимо, достаточно ее промучив,

он все-таки взял трубку.

- Алло.

- Привет, - Алла решила попробовать стопроцентную тактику, когда делаешь вид, что ничего не произошло. – Есть планы на выходные?

- Да не сказал бы, - голос Игоря все еще был холодным и напряженным.

- Хочешь поиграть в детективов?

Пауза. А потом уже обычный голос Игоря без этой холодности, которая так ему не шла.

- Ох, Алл, ну что там у тебя?

Алла улыбнулась. Правильно она все решила. Игорь не похож на всех этих московских дураков, которые строят из себя центр вселенной. Игорь не такой. У него хорошая должность, причем должность, на которой нужно работать, а не просто махать руками, он самостоятельный, хозяйственный. Ну вот не повезло ему в личной жизни. А самой Алле повезло что ли?

- У тебя же мама много лет проработала в городском архиве. Можешь ее попросить, чтобы нас туда сегодня пустили?

- Могу, - ответил Стрельников. – В чем дело, конечно, не расскажешь?

- Нет, - хихикнула Алла, - это будет сюрприз.

- Ты где?

- У Краеведческого музея.

- Через пятнадцать минут буду.

Алла повесила трубку. Чувства были противоречивые. Это же Игорь, напомнила она себе, это всего лишь Игорь Стрельников. Но почему же все равно есть ощущение, что они играют в игры?

Он подъехал через десять минут вместо пятнадцати. Алла быстро села в машину. Игорь выглядел как обычно: все тот же открытый взгляд и мягкая улыбка. Могло показаться, что ничего не изменилось, но Алла почему-то чувствовала, что что-то уже не так. Тебе кажется, одернула она себя. Тебе просто кажется.

- Архив нам откроют, мама договорилась, а там уж тебе придется рассказать, что именно мы ищем.

- Расскажу на месте, - Алла улыбнулась.

До архива они ехали в тишине. Все-таки что-то уже не так.

Как и обещал Стрельников, в архив они попали без проблем. Сторож, такой же древний, как и старушка в краеведческом музее, широко улыбнулся Игорю и распахнул перед ними двери.

- Ну и какое дело мы расследуем?

Перед Аллой стояла непростая дилемма. Изначально она планировала рассказать все Игорю: и про Инну Сапронову, и про ее догадку про скопцов, но когда Алла увидела Стрельникова, что-то ее остановило. Она сама не могла понять, что это. Почему-то Алла ему больше не доверяла. Ей не хотелось рассказывать ему про скопцов, хотя для этого не было никаких объективных причин. Но они уже в архиве, и все-таки

стоит хоть что-то объяснить.

- Мы расследуем дело о последней работе Александра Федоровича Мухина, - Алла криво улыбнулась.

Игорь прекрасно знал, кто такой Александр Мухин, поэтому задал только один вопрос.

- Ты считаешь, он сдал эти черновики в архив?

- У него была такая манера, сдавать в архив все копии рабочих материалов.

И это было чистой правдой. Только сейчас, когда срочно нужно было выдумывать предлог, почему ей нужна информация о скопцах, Алла вдруг открыла тот самый ящик Пандоры, который оставался под замком многие годы. А ведь Саша действительно все сдавал в архив. Вот же тварь эта старуха Ирина, так издевается над Сапроновой: мало того, что документы ей не дает, так еще и делает вид, что они есть только у нее. Нет у старухи никаких документов, вдруг поняла Алла. Она вообще в Сашину работу никогда не вникала. Нет у нее ничего, она просто привлекает к себе внимание, хочет, чтобы перед ней унижались. Компенсация за ее собственное унижение.

- Это будет просто, - Игорь улыбнулся, они уже прошли в картотеку, он открыл один из шкафов и порылся там. - Ну вот, все материалы, которые Александр Мухин сдавал в архив. Посмотрим?

Алла благодарно кивнула. По огромной темной лестнице они спустились в хранилище, где стояли пронумерован-

ные стеллажи с пыльными коробками. Стрельников несколько раз сверился с карточкой, пока они, наконец, не дошли до нужного ряда. Коробок, в которых лежали архивы Мухина, было предостаточно, но слава богу на них стояли годы. Алла нашла последнюю датированную коробку. Семнадцать лет назад. Дивова чуть приоткрыла ее и заглянула внутрь. Сверху лежала сброшюрованная машинописная рукопись. «Скопчество в Быково». Вот это ей как раз и нужно. Алла с небрежным видом закрыла коробку.

- Вынести можем? – она посмотрела на Игоря.

Вопрос был очень небезопасным, потому что, конечно же, никакие материалы нельзя выносить из архива. Вот и посмотрим, насколько Стрельников хочет добиться ее расположения.

- Можем, - почти без запинки ответил он, а потом все-таки спросил. – Ты думаешь, там может быть что-то?...

Договаривать он, конечно же, не стал.

- Да, я так думаю, - ответила Алла тем тоном, который не предполагал дальнейших вопросов.

- Ты тогда бери коробку, а я Степаныча заболтаю.

С «заболтать Степаныча» вышло даже удачнее, чем Алла рассчитывала. Сторож и Игорь ушли в подсобку пить чай, Алла спокойно вынесла коробку, села в машину, от которой Игорь предусмотрительно дал ей ключи. И сидела там минут сорок пять. Наконец, из дверей архива появился виновато улыбающийся Стрельников.

- Ничего не поделаешь, - он сел на водительское сиденье.
- У Степаныча собеседников немного. Тебя домой?
- Да, - Алла кивнула, - хочу посмотреть архив как можно скорее.
- Понимаю.

До ее дома они доехали в тишине. Вот как-то не о чем было разговаривать, хотя всего несколько дней назад Алла готова была щебетать с Игорем без остановки. Попрощались вежливо, но сухо. Алла подняла коробку в квартиру, поставила на кухонный стол и внимательно посмотрела на дату. Ну, Саша, если уж что-то там и было про этих скопцов, то лучше тебя в этом никто бы не разобрался. Алла выкурила сигарету, но так и не смогла справиться с силами и открыть коробку. Потом выкурила еще одну. И еще одну. И потом все-таки достала сшитую рукопись.

***

Александр Федорович Мухин. «Скопчество в Быково».

Алла жадно глотала строчку за строчкой, руки тряслись, сигаретам не было счета. Но для нее все было совсем не так. Для нее он сидел напротив. Так уже было когда-то, только не на этой кухне, а на другой, почти такой же. Она сидела на табуретке, завернувшись в пушистый плед и поджав под себя ноги, перед ним на столе стояла кружка дымящегося кофе. Он рассказывал, а она слушала, с восторгом ловила каждое

слово, каждый легкий поворот головы, следила за его губами, за серыми глазами за стеклами очков. Он казался надежным, он казался вечным как скала. И сейчас, перелистывая страницы его рукописи, Алла снова видела его, слышала его голос и восхищенно смотрела в его мудрые глаза.

- Ты что-нибудь знаешь про скопцов? – спросил он.

- Совершенно ничего, - Алла улыбнулась и покачала головой, - только то, что они отрезали женщинам грудь, а мужчинам – все, что ниже пояса.

Саша улыбнулся в ответ:

- Ну это самые жареные факты. Для начала нужно определиться, кто они такие и откуда взялись, а уже потом мы перейдем к тому, как они попали в Быково и какое отношение имеют к Заводу.

- Они имеют отношение к Заводу? – удивилась Алла.

- Все имеет отношение к Заводу. Ну так вот, началось все с Церковного раскола в семнадцатом веке. Тогда было принято решение унифицировать православные обряды, взяв за образец греческие. Самыми знаменитыми нововведениями было то, что креститься нужно тремя пальцами, а не двумя, а имя «Иисус» писать с двумя «и», а не с одной. Многие не приняли этого, и так появились старообрядцы. Их было очень много, и это движение сохранилось вплоть до наших дней. Внутри старообрядцев появлялись различные течения, например, секта хлыстов. Они были очень знамениты своими службами, так называемыми «радениями».

Суть их была в том, что хлысты собирались, коллективно читали молитвы и кружились, иногда впадая при этом в транс. Считалось, что так на них сходит благодать божья. Движение хлыстов в какой-то момент стало очень популярно в среде петербургской аристократии и богемы, отдельные хлыстовский практики упоминаются, кстати, у поэтов серебряного века. Но богема хлыстами быстро переболела. Все-таки это движение придерживалось аскетичного образа жизни: отказ от табака и алкоголя, отказ от браков, и, как ты понимаешь, полный отказ от секса. С последним, конечно же, были проблемы, потому что крестьяне – а большинство последователей были крестьянами – в основном выходили замуж и женились из бытовых соображений. А там уж нет, нет, да и да, - Саша продолжал улыбаться.

Алла тоже все время улыбалась.

В реальной жизни, где Саша уже давным-давно умер, тлеющая сигарета обожгла ей пальцы.

- Вот тогда-то из движения хлыстов выделилось движение скопцов. Они весьма основательно боролись с блудом и просто отрезали у себя то, что, по их мнению, было источником порока. В остальном вели себя как хлысты – проводили радения, отрицали табак и алкоголь. Ты удивишься, но в свое время так же были популярны в Петербурге и даже чуть было не оскотили племянника тогдашнего губернатора. Из-за чего, собственно, им и пришлось покинуть Пе-

тербург. В отличие от хлыстов, к скопцам относились прохладно, потому что физические увечья имели мало общего с романтикой. На них регулярно устраивали облавы, отправляли в ссылку, но движение оказалось живучим.

- Почему? – перебила Алла.

- Почему люди добровольно калечили себя?

- Ну да.

- Чтобы гарантировать себе рай после смерти.

- Адом при жизни?

Саша снова улыбнулся. Так взрослый улыбается ребенку.

Да, так оно и было когда-то: он был взрослым, а она была ребенком.

- Представь себе жизнь крестьян, им только на рай и оставалось надеяться. Ну а участвовавшее в этом дворянство – просто распущенные бездельники, которые уже перебрали все возможные развлечения. Но давай вернемся к нашим скопцам. В 1905 году после первой революции Николай II подписал указ «Об укреплении начал веротерпимости», этот указ закреплял свободу вероисповедания, а также давал возможность перехода из православной церкви в любую другую. Раньше этого нельзя было делать. Как ты понимаешь, многочисленные хлысты, скопцы и староверы восприняли это как зеленый свет и повыходили из подполья. Официально православную церковь после этой реформы покинуло до полумиллиона человек. Это очень существенная цифра, но нужно понимать, что эти люди состояли в право-

славии лишь формально, чтобы не подвергаться гонениям. Дальше грянула Октябрьская революция, и сектанты всех мастей зажили еще вольнее.

Алла недоуменно посмотрела на него.

- Как это? Религия же – опиум для народа.

Саша отпил кофе из кружки.

- Безусловно, но вообще-то опиумом для народа была православная церковь и монархия. На начальном этапе все, кто согласны были встать на одну сторону с большевиками, чтобы бороться с этими двумя проклятьями, воспринимались благосклонно. В двадцатые годы даже стали приветствоваться колхозы, которые основывали культисты. Например, большая группа хлыстов вернулась из Эквадора, чтобы создать колхоз на родине.

- Но закончилось все плохо, - угадала Алла.

- Да, закончилось все плохо, но именно в двадцатые годы двадцатого века мы подбираемся к событиям, произошедшим в городе Заводск. Итак, небольшая группа скопцов получает разрешение создать колхоз около деревни Быково. Как ты знаешь, Заводск возник именно на месте этой деревни. Мы привыкли думать, что так называемая секта состояла из нескольких изб и деревянной церкви, и вообще в нашем понимании все это действительно выглядело как группа ненормальных, которые поселились на отшибе, но на самом деле, милая моя Алла...

Милая моя Алла... Она столько лет не давала себе вспом-

нить, как он ее называл.

- ... на самом деле, скопцы очень быстро потеряли интерес к сельскому хозяйству и построили в Быково фабрику.

- Завод??? – удивилась Алла.

- Да, потом эта фабрика стала Заводом. Скопцы на самом деле очень отличались от нашего представления о сектантах того времени как о дремучих бородатых мужиках и запуганных бабах. Начнем с того, что бороды у них не росли по понятным причинам. Ну а второй момент состоит в том, что скопцы были одной из самых богатых сект.

- Почему?

- Потому что скопцы объединялись в общины не по родственному признаку, а так сказать, по профессиональным качествам, что значительно повышало планку отбора. То есть предприимчивые люди находили таких же предприимчивых людей, а так как никто не тратил деньги на цыган и жесниц, то дело шло очень даже неплохо. И вот в Быково появилась фабрика, на фабрику потянулись рабочие, производила фабрика сельскохозяйственную технику, причем очень хорошую и вполне востребованную. К тридцатым годам Советская власть как раз окрепла и вспомнила, что вообще-то религиозные культы не особенно вписываются в строительство светлого коммунистического будущего. Колхозы религиозных организаций быстренько изъяли в пользу государства, а со скопцами история получилась еще интереснее. В 1930 году в тогдашнем Ленинграде про-

шел процесс над верхушкой секты скопцов, судили их не за религиозные убеждения, а за нанесение тяжких увечий тем, кто присоединялся к секте – как правило, это были подростки тринадцати-пятнадцати лет. Формально никого не расстреляли, дали до десяти лет с конфискацией, но по тем временам эти сроки были фактически смертным приговором. Вот так скопцов обезглавили. В Быково же история приняла несколько другой оборот. Лидеры местной коммуны решили оказать сопротивление, в результате чего некоторых из них расстреляли на месте. Отсюда и легенда про сектантов. В девяностые годы в овраге у станции на месте церкви скопцов, нашли останки всего двенадцати человек, а община здесь была намного больше.

- На фабрике работали только они?

- Нет, не только они. Жители окрестных сел и деревень тоже там работали, некоторых переманивали в скопчество. В общем, фабрика отошла Советам, неудобные были расстреляны, а Быково уже через семь лет превратилось в Заводск. Историю о том, что скопцы основали фабрику, предпочли замять, зато придумали страшную сказку про сектантов, которых расстреляло справедливое НКВД. Эту тему очень не любят поднимать, поэтому данных о ней мало.

- Ну да, - хихикнула Алла, - это же не проезд Белинского через Быково.

- Конечно, - Саша кивнул.

- Ты сказал, что расстреляли не всех. Кому-то удалось сбежать? Если скопцы отказывались от деторождения, уродуя себя, то, получается, они просто вымерли? Или они привлекали новых членов?

И тогда Инна Сапронова неправа, мы имеем дело не с сектантом-скопцом, а с кем-то, кто очень впечатлился историей Заводска.

- С тридцатых годов про скопцов ничего не известно. Общепризнано, что данное течение прекратило свое существование. Но есть один очень интересный момент. Да, мужчины не могли иметь детей, но жёщины-то сохраняли функцию деторождения, отрезание груди носило символический характер. Чисто теоретически можно предположить, что одна из таких жёщин могла родить ребенка, чтобы сохранить вероучение. Но ты помнишь, что секс противоречил убеждениям скопцов, так что это - просто допущение.

- То есть секта могла продолжить свое существование?

- Это уж были бы не скопцы, а полу скопцы. И потом, милая моя Алла, ты же понимаешь, что в наше время спрятать такие увечья очень сложно. Маловероятно, что в Заводске остался хоть кто-нибудь из скопцов. В начале тридцатых – безусловно, но после репрессий и войны, это практически невозможно.

- Есть список тех, кто был в секте в тридцатом году?

- Да, есть. Но, конечно, он неполный.

Алла достала из папки список, пробежала по нему глаза-

ми: ни одной знакомой фамилии, ну кроме, конечно, неизменных Ивановых и Петровых. Когда она подняла глаза, Саши уже не было. То есть его здесь никогда и не было, на этой кухне, а она не сидит, завернутая в плед, и на столе не стоит чашка с кофе – только пепельница, полная окурков. На мгновение стало так горько, что даже перехватило дыхание. Но Дивова быстро взяла себя руки. Для начала она сфотографировала каждый лист рукописи Мухина и тщательно сложила все обратно. Стрельникову она скажет, что ничего там не нашла, просто очередное историческое исследование. Что же касается Инны Сапроновой... Ни одной знакомой фамилии в списке скопцов не было, но Инна на этом не остановится. Она начнет искать родственников, какие-нибудь связи, и достаточно быстро выяснится, что это Алла при помощи Игоря добралась до материалов в архиве. Старуха Ирина поднимет шум. В общем, Сапронова Аллу подставит. А раз нет никакой очевидной связи между тем, что написано в Сашиной работе, и убийствами, можно смело сделать вид, что Алла ничего не знает. Она закрыла коробку. Да, так будет лучше для всех. Сапронова со своей теорией продолжит оббивать пороги, старуха Ирина поиздевается над ней еще немного, да и отстанет, а самое главное, что не будет никаких ассоциаций между убийствами и Аллой Дивовой.

Она посмотрела на пустой табурет напротив, где только что представляла себе Александра Мухина.

В воскресенье она отмывала и без того чистую квартиру.

Вечером Игорь опять пригласил ее в ресторан. Она согласилась. Дружеская встреча – а никаких признаков того, что это было свидание, не было – прошла легко и непринужденно.

В понедельник, когда она пришла на работу, то узнала, что Евгения Лардышева вызвали на допрос по делу об убийствах Юлии Сапроновой и Анны Прокофьевой.

«Подслушано. Заводск.»

Снова вызывали Л., вроде бы он под подпиской о невыезде. Нет, конечно, я не оправдываю его, но, девочки, давайте на чистоту, ну кто бы устоял против ухаживаний такого мужчины? Ну не верю я, что это он сделал, тем более что по убийству Сапроновой его оправдали. Вам не кажется подозрительным, что все это совпадет с приездом А.Д. в Заводск? Она, конечно, никого не убивала, но слишком уж все как-то одно к одному...

Анонимно, пожалуйста.

Комментарии к посту:

- Л. супер! Я бы его просто, ну вы поняли... *краснеющий смайлик*

- Мне кажется, у него какие-то проблемы с психикой. Почему он не может найти женщину своего возраста? Если обеспеченный мужчина за сорок раз за разом крутит романы с малолетками, это все-таки показатель! О чем с ними разговаривать? Незрелый инфантил. Поэтому жена с ним и развелась.

- Он с ними не разговаривает. Он с ними другое делает...

краснеющий смайлик

- А какие против него улики, знает кто-нибудь?

- Раз вызывали, значит, улики есть.

- Ой, давайте про что-нибудь позитивное...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.